

IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIIY-INNOVATION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 4

2026

KRIPTOGRAFIK KOD BADIY NASRDA SYUJET MA'NOSINI TASHKIL ETISH USULI SIFATIDA

Bazaraliyeva Aziza Ruslanovna
Navoiy davlat universiteti, o'qituvchi

Annotatsiya

Maqolada kriptografik kod badiiy nasrda ma'no va syujet harakatini tashkil etish usuli sifatida ko'rib chiqiladi. Tahlil materiali sifatida shifrlangan yozuvlar, harfiy almashuvlar, sonli kombinatsiyalar hamda yashirin iqtiboslar motivlar tizimiga kiritilgan va talqin yo'nalishini belgilaydigan asarlar olindi. Tadqiqot shuni ko'rsatadiki, deshifrovka bunday matnlarda faqat syujet vazifasini emas, balki semantik vazifani ham bajaradi, chunki u predmet qatori, madaniy ishoralar va qahramonlar xatti-harakatini bir-biriga bog'laydi. Kriptogramma ma'no zichligini kuchaytiradigan shakl sifatida o'qish jarayonini sekinlashtiradi va o'quvchi e'tiborini voqeadan anglash amaliga ko'chiradi.

Kalit so'zlar. kriptogramma, shifr, deshifrovka, badiiy nasr, kod semantikasi, sir poetikasi, intertekstuallik, syujet tashkiloti, belgilar tizimi, o'quvchi talqini.

КРИПТОГРАФИЧЕСКИЙ КОД КАК СПОСОБ СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЮЖЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Базаралиева Азиза Руслановна
Навоийский государственный университет, преподаватель

Аннотация

В статье рассматривается криптографический код как способ организации смысла и сюжетного движения в художественной прозе. Материалом анализа служат произведения, в которых зашифрованные записи, буквенные перестановки, числовые комбинации и скрытые цитаты включены в систему мотивов и направляют ход интерпретации. Показано, что дешифровка в таких текстах выполняет не только сюжетную, но и семантическую функцию, поскольку связывает предметный ряд, культурные отсылки и поведение персонажей. Установлено, что криптограмма выступает формой смысловой концентрации, замедляет чтение и переводит внимание читателя от события к процедуре понимания.

Ключевые слова. криптограмма, шифр, дешифровка, художественная проза, семантика кода, поэтика тайны, интертекстуальность, сюжетная организация, знаковая система, читательская интерпретация.

CRYPTOGRAPHIC CODE AS A MEANS OF SEMANTIC PLOT ORGANIZATION IN FICTION PROSE

Bazaraliyeva Aziza Ruslanovna
Navoi State University, Lecturer

Abstract

The article examines the cryptographic code as a device for organizing meaning and plot development in fiction. The study draws on literary works in which encrypted messages, letter permutations, numerical combinations, and concealed quotations are integrated into the motif structure and guide the process of interpretation. It is argued that decipherment in such texts

performs not only a plot generating function but also a semantic one, since it connects the material details of the text, its cultural allusions, and the actions of the characters. The analysis demonstrates that the cryptogram serves as a form of semantic condensation, slows the pace of reading, and shifts the reader's attention from the event itself to the act of interpretation.

Keywords. cryptogram, cipher, deciphering, fiction prose, code semantics, poetics of mystery, intertextuality, plot organization, sign system, reader interpretation.

Криптограмма вошла в художественную прозу не как внешняя занимательность, а как особый способ организации чтения уже в первой половине XIX века. У Э. А. По в рассказе *The Gold-Bug* зашифрованная запись не просто сообщает скрытые сведения, а поэтапно управляет поиском, распределяет внимание читателя и переводит интригу из плоскости события в плоскость аналитического усилия. Позднейшая англоязычная наука именно здесь увидела одно из ранних соединений тайнописи, интерпретации и детективного письма, поскольку дешифровка у Э. А. По становится моделью самого понимания художественного сообщения. Эта линия затем получила дальнейшее теоретическое осмысление в работах о знаке, улике и логике разгадки. Современный интерес к этой теме определяется уже не только происхождением приёма, но и его смысловой нагрузкой в тексте. Русскоязычные исследования последних лет показали, что скрытое сообщение в прозе связано с адресацией, проверяемым ключом, культурным источником и позицией читателя, а при переводе требует сохранения не одного лишь смысла, но и самой ситуации загадки. Поэтому криптограмма в художественном произведении должна рассматриваться как форма смыслового сгущения, которая соединяет композицию тайны, интертекстуальный намёк, сюжетную задержку и работу интерпретатора.

Методы исследования и обзор литературы. Для решения поставленной задачи использованы историко-литературный и сравнительно-сопоставительный методы, которые позволяют соотнести ранние и поздние модели зашифрованного письма в прозе; структурно-семантический анализ, необходимый для рассмотрения криптограммы как элемента композиции загадки; интертекстуальный подход, поскольку часть скрытых сообщений строится на цитате, анаграмме или культурном ключе; а также элементы криптоаналитического чтения, когда учитываются тип шифра, способ дешифровки и роль читателя в распознавании скрытого смысла. Дополнительно привлечён переводоведческий подход, так как в ряде случаев значим не только исходный шифр, но и то, каким образом он воспроизводится в другой языковой среде без утраты своей загадочности.

В англоязычной науке тема получила наиболее последовательную разработку в работах Ш. Дж. Розенхайма [3] и Т. Уэйлена [5], где криптография у Э. А. По рассматривается не как побочный биографический интерес, а как один из источников аналитической прозы и раннего детектива. Сборник под редакцией У. Эко и Т. А. Себеока [2] расширил этот круг, связав улику, догадку и процедуру чтения с более широкой семиотической проблематикой. Книга Ц. Тодорова [4] важна для описания типологии загадки и разгадки, а статья Б. Шауаши [1] ценна тем, что переносит акцент с устройства шифра на читательское участие в дешифровке. В русскоязычной традиции методологическую основу даёт Ю. М. Лотман [7], чьи положения о смысловой организации художественного текста позволяют рассматривать шифр как значимую внутреннюю единицу. Для теории детективного построения существенны работы П. А. Моисеева [8] и Н. Ю. Филистовой [10], а для частной проблемы скрытого послания особенно важны статья А. А. Стрельцова [9] о передаче зашифрованных вставок в переводе и работа С. А. Кибальника и М. Дьёндьёши [6], где вводится и уточняется само понятие криптопоэтики.

Результаты. Для развернутого анализа в качестве первичного художественного материала выбраны три репрезентативных текста, демонстрирующие разные типы шифрования и разные модели читательского участия: *The Gold-Bug* (подстановочный шифр

и частотный криптоанализ), *Код да Винчи* (анаграмма и числовой «мета-ключ»), *Алмазная колесница* (криптограмма как внешнее письмо и культурно-этнографический ключ). Эти выборы фиксируются как заведомо осознанные и методологически мотивированные: тексты показывают, как криптографический элемент может быть встроен в композицию — от «вставки» до структурообразующего узла, — и как различаются переводческие решения при переносе «головоломки» на другой язык.

В рамках криптопоэтики важно различать криптограмму как конкретную зашифрованную вставку и криптографичность как более широкий принцип тайнописи, включающий аллюзивность, анаграмматичность, криптонимы, криптотопосы и другие маркеры скрытого слоя. Такой синтетический взгляд позволяет не сводить проблему к технике шифра и связывать её с адресацией и верификацией: кто способен прочитать глубинный слой и как читатель удостоверяет правильность ключа.

Поэтика детектива и смежных головоломочных жанров задаёт дополнительный контекст: криптограмма часто включается как инструмент честной игры и как средство перераспределения повествовательной энергии — от психологизма и описания к рассуждению и реконструкции. В терминах когнитивного и нарратологического анализа это связано с устойчивым набором ведущих концептов и с временными сдвигами, поддерживающими эффект интриги. Криптограмма встраивается в эту схему как материализованная тайна и как стимул к расследованию.

В *The Gold-Bug* криптограмма встроена в материальный слой повествования. Шифротекст обнаруживается как письмо на старом пергаменте, проявляющееся после специальных действий; это создаёт сюжетную мотивацию скрытого письма и превращает предмет в носитель смысла. Точка появления криптограммы совпадает с переломом от экспозиции к приключенческому движению. После нахождения текста начинается цепочка действий, направленных на локализацию клада. Тип шифра в классическом описании — моноалфавитная подстановка. Буквам исходного текста соответствуют условные знаки, включая цифры и типографские символы, а дешифровка строится на последовательном выдвижении гипотез и проверке их по частотным закономерностям языка. Внутри текста это дано как развернутый криптоанализ. Персонаж-расшифровщик интерпретирует повторяемость знаков, предполагает удвоения, выделяет вероятные служебные слова и постепенно выстраивает ключ. Такая демонстрация метода превращает детективное рассуждение в самостоятельное событие.

Структурно-семантический эффект здесь двоякий. Во-первых, криптограмма связывает мотивы в единый пучок: золото, или клад; насекомое как приманка и инструмент; геометрию пространства — ориентацию и расстояния; а также культурный миф о пирате. Шифр — это не добавка к сюжету, а механизм сцепления предметных деталей в осмысленный маршрут. Во-вторых, в тексте появляется тормозящая вставка. Чтение замедляется, потому что читателю предлагается принять логику дешифровки как часть художественного опыта, а не пропустить её ради результата. Именно этот перенос внимания с вопроса *что произошло* на вопрос *как понимать* является одним из признаков криптографического режима повествования. С точки зрения читательского отклика *The Gold-Bug* конструирует две фигуры адресата: внутреннего — персонажа-наблюдателя, который испытывает непонимание и потому репрезентирует обычного читателя, — и внешнего, то есть реального читателя, которому предлагается соучастие и проверка, хотя бы на уровне признания правильности метода.

В романе Д. Брауна *Код да Винчи* криптографический элемент принципиально смещён в зону стартового импульса. Зашифрованное сообщение появляется в самом начале как след преступления и одновременно как сценарий дальнейшего движения. Здесь шифрование не сопровождает сюжет, а конституирует его. Персонажи включаются в преследование и поиск именно потому, что получили текст, требующий расшифровки, и

потому, что его смысл обещает следующий шаг. Показателен фрагмент, сочетающий числовую последовательность, леонардовскую символику и мотив математического ключа с анаграммой.

В переводе на русский особенно заметна граница между криптограммой и культурным ключом. Анаграмматическая перестановка букв на поверхности выглядит простой, но её функциональная нагруженность зависит от интертекстуальной зоны. Расшифровка отсылает к производству искусства и к институциям знания — музею, экспертам, традициям символического чтения. В результате криптограмма становится узлом авторитетов: кто имеет право читать, кто подтверждает правильность решения, какова процедура верификации. Для темпа чтения эффект противоположен приключенческой скорости. Постоянные коды создают режим микропауз: читатель вынужден то ускорять, то тормозить восприятие. Ускорение поддерживается триллерной динамикой, а торможение — включением заданий на распознавание анаграмм, числовых порядков, шифров и подсказок.

В романе *Алмазная колесница* Б. Акунина криптограмма встроена в детективно-шпионский эпизод как элемент чужого письма. Обнаруживаются записи странными значками, которые персонажи не могут прочитать, но предполагают их связь с заговором. Здесь важна именно графическая инаковость. Перед нами не шифрование привычного алфавита, а изображение иной системы фонетической письменности, распознаваемой как практика синоби и ниндзя. Такой ход переводит проблему дешифровки из чисто криптографической в культурно-этнографическую. Механизм сокрытия здесь иной, чем у По: криптограмма не проявляется физически, она закрыта отсутствием компетенции у читателя и персонажей. Сюжетная позиция криптограммы промежуточная: она маркирует, что расследование упирается в неизвестный код, и тем самым требует привлечения носителя знания, то есть внутритекстового эксперта. Узнавание, иначе говоря идентификация шифра как криптограммы ниндзя, становится отдельным смысловым событием. Читатель видит, как автор вводит фигуру интерпретатора и как знание о коде превращается во власть над сюжетом.

Процедура дешифровки здесь задана через принцип частичного ключа. Персонажи знают, как читается одно слово — имя главаря, — и это частичное знание позволяет предполагать корреляции знаков в других словах. Тем самым шифр выступает моделью расследования как такового. Локальное совпадение порождает цепь гипотез, а подтверждение требует обращения к архиву, к записям, то есть к внеситуативному источнику. Семантически криптограмма в *Алмазной колеснице* работает как маркер культурной двуфокусности. Код одновременно указывает на японский культурный слой и на западно-детективную процедуру раскрытия тайны. В этом смысле эпизод поддерживает двойное кодирование, характерное для постмодернистски ориентированной прозы.

Сопоставление трёх выбранных произведений показывает, что криптограмма может занимать разные композиционные позиции, но при этом сохраняет общую функцию: она перераспределяет нагрузку между повествованием и интерпретацией. Если у По дешифровка разворачивается как демонстрация криптоаналитического метода и превращается в центральный эпизод, то у Брауна шифр служит серией триггеров для непрерывного сюжетного продвижения, а у Акунина — маркером культурной инаковости, требующей посредника-эксперта. На уровне структурной семантики криптограмма выступает как вторичный код, требующий специальных знаний и тем самым ограничивающий адресата. Сообщение делит участников коммуникации на тех, кто способен прочитать, и тех, кто вынужден ждать перевода. Это порождает эффект неодинаковой информированности — между персонажами и/или между читателем и персонажами, — который является базовым ресурсом интриги.

Таблица 1. Сравнительный анализ первичных текстов

Произведе ние	Тип шифра	Механизм сокрытия	Нарративное размещение	Процедура дешифровки
<i>The Gold-Bug</i>	Подстановка, моноалфавитный шифр символами	Скрытое письмо на материальном носителе, требующее обнаружения и прочтения	Поворотный узел: от описания к приключению и поиску	Частотные гипотезы, выделение паттернов, построение ключа
<i>The Adventure of the Dancing Men</i>	Пиктографическа я подстановка	Визуальная инаковость, фигурки как алфавит	Сюжетная загадка в центре расследования	Сопоставление знаков и букв, восстановлени е алфавита
<i>Код да Винчи</i>	Анаграмма и числовая подсказка, «мета- ключ»	Поверхностно бесмысленны й текст, смысл которого доступен через операцию перестановки	Инципит, запускающий цепочку поисковых эпизодов	Узнавание принципа анаграммы, перестановка букв по подсказке
<i>Алмазная колесница</i>	Чужое письмо, условный фонетический алфавит внутри художественного мира	Отсутствие компетенции, код закрыт культурно	Промежуточно й узел, требующий эксперта и архивного ключа	Частичный ключ, известное имя, и поиск соответствий

Заключение. Проведённый анализ подтверждает, что криптограмма в художественной прозе функционирует как особый текстовый оператор, меняющий распределение внимания. Событие становится значимым постольку, поскольку оно поддаётся расшифровке, а персонаж и читатель сближаются в роли интерпретаторов. В этом качестве криптографический элемент выступает частью более широкой криптопоэтики — системы приёмов тайнописи, включающих анаграммы, аллюзии, криптонимы и другие маркеры скрытого слоя. Сопоставление По, Брауна и Акунина показывает устойчивую закономерность: криптограмма замедляет чтение не просто за счёт усложнения, а потому, что внедряет в повествование процедуру проверки. Там, где такая проверка доступна читателю — через частотность, анаграмму или сопоставление знаков, — возникает эффект соучастия и эстетика интеллектуального труда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chaouachi B. Encryption in Edgar Allan Poe's fiction: A transactional reading of secret writing // *British and American Studies*. – 2022. – Vol. 28. – P. 97–104.
2. Eco U., Sebeok Th. A. (eds.). *The Sign of Three: Dupin, Holmes, Peirce*. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1988. – 256 p.
3. Rosenheim Sh. J. *The cryptographic imagination: Secret writing from Edgar Poe to the Internet*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2020. – 282 p.
4. Todorov T. *The poetics of prose*. – Ithaca: Cornell University Press, 1977. – 272 p.
5. Whalen T. *The code for gold: Edgar Allan Poe and cryptography* // *Representations*. – 1994. – No. 46. – P. 35–57.
6. Кибальник С. А., Дьендьёши М. Криптопоэтика русской литературы нового времени // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. – 2022. – № 3. – С. 160–164.
7. Лотман Ю. М. *Структура художественного текста*. – М.: Искусство, 1970. – 383 с.

8. Моисеев П. А. Поэтика детектива. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – 240 с.
9. Стрельцов А. А. Передача зашифрованных сообщений-вкраплений в художественном тексте с английского языка на русский // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 56–71.
10. Филистова Н. Ю. Структура и семантика детективного нарратива (на материале текстов английских и русских рассказов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2007. – 28 с.